

An oil painting of a man's face and hand. The man has short, light-colored hair, a beard, and is wearing dark sunglasses with green-tinted lenses. His right hand is raised to his chin, with fingers resting against his cheek. The background is a light, textured wash of paint. The overall style is expressive and textured, characteristic of oil painting.

Влад Маленко
Проза в царяпиннах

Владислав Валерьевич Маленко

Проза в царапинах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73923607

Проза в царапинах:
ISBN 978-5-908078-11-5

Аннотация

В каждом из главных направлений поэзии Влад Маленко уже создал вершины, те значимые произведения, которыми зачитываются дети и взрослые по всей стране и за рубежом. Теперь же мы вместе ступаем на новый маленковский корабль «Проза в царапинах». У вас в руках магическая мозаика – череда колких заметок, сенсаций, уникальных фактов, острых размышлений, смешных и грустных историй, которые складываются в объемную картину нашего библейского времени через оптику одного из ярчайших представителей отечественной культуры.

Современная литература довольно искушена жанровыми экспериментами. И в этом смысле «Проза в царапинах» не остается в стороне. Уже упомянутая мозаичность историй, включенных в эту хрестоматию искусства жизни, наводит на мысль о комплексном характере произведения. Его композицию можно сравнить со структурой «Хазарского словаря» Милорада Павича. Автобиографический характер произведения – только форма, искусно манящая читателя. Нас подстерегают на каждой

странице удивление, доверительная интонация и то зеркальное пространство подлинного искусства, которое затягивает в свой мир и дает читателю радость и силы.

Содержание

Проза в царапинах	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Влад Маленко

Проза в царапинах

© ООО «Ли́ра», 2026

© Маленко В. В., 2026

Проза в царапинах

Обещание – это твой личный гимнаст. Не сдержал обещание – гимнаст срывается с верхотуры. Хорошо, если прикреплен внизу спасительный батут. А если его нет?

* * *

При мне у человека, который всегда веселился, остеклели на минуту глаза.

Это случилось, когда мы сидели в кофейне, говорили о политике, а я вдруг с жаром процитировал известные лермонтовские строки:

«Есть Божий суд, наперсники разврата!
Он ждет! Он неподвластен звону злата...»

Мой добродушный собеседник вдруг замер и превратился из милого толстячка-балагура в холодного булгаковского рыцаря:

«Нет и не будет никакого суда. И никакое возмездие никого не достигнет. Знай это!» – сказал он тоном покойника и еще мгновение сидел неподвижно, а потом, как ни в чем не бывало, ожил и замурлыкал себе под нос привычную безобидную песенку.

* * *

На берегах Волги живут военный завод и древний Кремль, шашлычная и царский ботик. И не надо суживать странную страну, в которой из одного угла идет крупный снег, а в другом дымится теплое море. Помню, как, завернутый в персидский шелк, я вел разговор с Рустамом Хамдамовым о Толстом и сценариях Тонино Гуэрра, а внизу в подворотне меня ждали пацаны с уже наполненными пластмассовыми стаканчиками. В этом смысле полезно выходить со званого обеда в Кремле и опускаться в метро. Лучи не должны мешать заходить в бабушкину хрущевку. Недавно меня попробовали укорить за стихотворный плакат «Русские маяки», мол, как можно устроить соседство Мандельштама и Шолохова? Да можно и нужно, потому что у России, как у моря, нет неприкасаемых камней! Потому что мы все в результате превратимся в тени древних греков, чтобы вечным утром выпрашивать у прибоя новые стихи и молитвы.

* * *

Ветер с моря, девушки, осень, медленный джаз, алкоголь, яблоки в синяках – это инструменты для правильных касаний. Нужно обеспечить необходимую пустоту для посадки

туда новых самолетиков-идей, самолетиков-открытий и находок, а я только лишь авиадиспетчер.

* * *

– А теперь, юноши и девушки, задавайте мне любые вопросы! – бесстрашно обратился я к залу.

– А можно на тему истории? – поднялась красивая девушка со второго ряда, поправив непослушную челку.

– На тему истории – это то, что нам нужно!

Девчонка на секунду задумалась:

– А правда, что у Ленина в мавзолее только голова и плечи?

Передо мной за секунду проплыли портреты академиков Абрикосова и Збарского с книжных страниц, и я переадресовал девушку с ее «историческим» вопросом на канал «Спас».

Там скрупулезнее изучают эту тему...

* * *

Ганс Шнир, герой Генриха Белля, распознавал запахи по телефону. У меня в детстве была способность определять по запаху содержание книг. Клянусь, я залезал на верхотуры шкафов по лесенкам и ползал по полам городских библио-

тек, чтобы из самых неожиданных мест и полок извлекать тома и сдувать с них пыль, а потом распахивать в неожиданных местах и принохиваться. Но не только в библиотеках случались мои альпинистские и пластунские передвижения. Однажды дома в отцовской библиотеке я отыскал на самой нижней полке странную книжку.

* * *

Я вел в самой середине девяностых программу на Первом канале (он тогда назывался ОРТ). Иногда даже позволял себе там читать свои строчки и петь свои песни. Например, я спел однажды песню на стихи поэта-фронтовика Юрия Левитанского, который на тот момент только-только ушел, – «Трамвайные вишенки». И его вдова Ирина связалась со мной, сказав, что это самое пронзительное, что она слышала на его стихи... Но, будучи на ТВ, я понимал, что это все равно на потребу дня, это пена такая. Хотя программа была неплохая, мне за нее не стыдно. Меня люди узнавали, когда проходил, брали автографы. Помню, зашел на базар в Астрахани, а мужик один так обрадовался: «Возьми арбуз или, хочешь, мою дочь возьми. Я тебе ее отдам! Увози!» И в то же самое время мы с группой других интересных людей делали программу «Куклы» на другом канале, и мне выпало озвучивать многих интересных персонажей! Я взял и внес в уста известного генерала фразочку из своих армейских лет: «Упал – отжался!»

Она прижилась и самой знаменитой стала в этой программе. Меня стали таскать с этим генералом по городам и весям, потому что он готовился стать Президентом. Помню, прилетаем в Красноярск, и там меня отдельная машина черная правительственная встречает, а всех писателей и актеров, которые свитой ходили за генералом, сажают в общий автобус. Они так косятся на меня, мол, почему ему такие почести? А им отвечают: «Это голос генерала! Оригинулу нравится, поэтому терпите такое положение!» Это было смешно и некоторым образом продолжало кукольный театр.

* * *

Путь поэта – самая короткая и рискованная человеческая стезя для оправдания перед людьми и богами.

* * *

Вчера во дворе моего московского дома ко мне подошел мальчик лет семи-восьми.

Оглядел внимательно с ног до головы и спросил:

– Скажите, вы таджикистанец?

– Почему ты так решил?

Признаюсь, я даже слегка опешил.

– Меня зовут Марк. Мою сестру Сара. Мы из Таджики-

стана. Вы похожи на таджикистанца.

Почему-то этот диалог меня обрадовал. Я подумал вдруг, что то великое свидание моей бабушки Серафимы Ивановны в сорок втором году, о котором она никогда никому не говорила и которое закончилось рождением отца в июле сорок третьего, могло быть вполне интернациональным: приглянулись друг дружке Серафима и Васиф, которого для удобства все звали Васей, и получился мой красавец-отец... А Васиф после короткой командировки вновь оказался на фронтах... и больше о нем не слышала ни Серафима, ни мой отец... Надо бы отправиться в Таджикистан, внимательно приглядеться к местным небесам, попеть вместе с людьми их чарующие душу песни.

* * *

Отход от стиля, от точной формы – это сразу «красивый» сайдинг. Он режет глаз, убивает божественную пустоту. Ты как бы вышел в поле, а вместо неровной тощей тропинки в осах и подорожниках тебе резиновую дорожку с пупырышками для удобства постелили. Она еще и пахнет густой химией. Режиссер Бергман говорил, что когда он видел интересное в чужих фильмах, то сразу пытался это интересное прибрать к рукам и утащить в свою будущую картину. А Любимов спорил с ним и заявлял в пику, что, напротив, убирает все из своих спектаклей, если уже это где-то было. Это

все, разумеется, преувеличение... Но та дозировка, которой владеет большой мастер, та клетка, которую он удерживает пустой, несмотря на искус заполнить ее чем-то ярким, вкусным, – это и есть возникновение стиля, почерка, своего языка. А вернее, соотношение этой пустоты к энергии действия.

* * *

Большие белые рыбки, лежащие на земле, – это последний снег.

Вышел утром из дома, а рыб уже унесла молодая теплая ночь.

Ты и не жалеешь этих исчезнувших зверей почему-то. Эгоизм весны заразен.

* * *

И страх голубых мотыльков есть пожар абажуров. Глазами и крыльями хлопать сподручней в июньскую вечность. А бабочки днем и под вечер еще нарожают, пророки еще напроорчат, дожди растеряют патроны.

Пыльца, аллергия, досада, ожог поцелуя и сахарный кубик в сиреневой мгле керосина...

Садовницу-смерть запечатал навек архитектор. Но слышишь, как в камне молчит белоглазая, слышишь?

Кого теперь Озеро будет кормить пустотой? Зачем теперь лету летать, если лег поперек он – утопленник-май на полк^е в затопленной бане? Из племени мая куда убежала дорога?

Трава шелестит как вопросы, одетые в росы, и молнией молятся птиц распутившие Боги.

* * *

Писатель Максим Замшев на своем юбилее вспомнил вдруг, что в середине девяностых у меня был свой «офис» с обратной стороны вестибюля станции метро «Баррикадная». А я и позабыл об этом! Действительно: там слева у забора стояла деревянная пристройка, а внутри находилась дворницкая с метлами и лопатами. Однако дворников никогда не наблюдалось, их, видимо, вообще не было там в те времена, поэтому я всех водил «к себе», прятаться от злой милиции, общаться и выпивать. Я был молодым поэтом, литератор Сергей Геворкян – начинающим юристом, Максим Замшев еще посещал музыкальное училище имени Гнесиных. Геворкян твердил мне всегда:

– Ты, Влад, безнадежный лирик, у тебя в запасе в основном одни любовные вещи, которые мне, кстати, нравятся. А вот я – поэт эпический и отражаю трагедию нашего времени! Разумеется, я возражал Геворкяну, вспоминая свои «Белые флаги» (это мою песню тогда полюбил лидер группы «Гражданская оборона» Егор Летов).

ках, в красных уголках, где непременно курили на сцене дешевые сигареты и кричали свои стихи и песни. Нас слушали немногочисленные пришедшие товарищи и случайные люди.

Только через десять лет я начну писать свои басни, они станут известными, потом появятся такие вещи, как «Севастополь». Помню, как ночью в Крыму под Севастополем на байк-шоу сто тысяч человек скандировали мои строки про «Севастополь – морской апостол, не признающий третьего тоста». Это было за три года до присоединения Крыма, и меня, как автора, наутро не хотели выпускать из аэропорта на самолет в Москву. Но, слушая «Севастополь», все подряд плакали от русского укора, звенящего в этом стихотворении, изменившем мою судьбу. А потом пройдет еще много лет и настанут наши нынешние библейские времена. И когда сейчас, почти через тридцать лет, какие-то безграмотные девочки-журналистки записывают меня в новые Z-поэты и говорят, что наша поэзия появилась как реакция на новые события, мне хочется отвести этих малышей в ту дворницкую возле метро «Баррикадная», где мы пили паленую водку, читали друг другу новые хорошие стихи и мечтали о красивой и справедливой русской жизни.

* * *

Нет-нет, а тянет на розыгрыш. Писал же Александр Сер-

геевич песни западных славян! Я вспомнил тут, как классе в десятом написал школьное сочинение про неизвестные раннее стихи Маяковского, которые сам же и сочинил. Какие-то новые приключения скрипки и лирического героя придумал, добавив политической окраски... Мне поставили тогда сразу две пятерки. Бедные мои учителя... А потом мы с друзьями юности создали несуществующего персонажа Леонарда Горохова – поэта, который все время пишет стихи, они у него очень искренние, исповедальные, но немного нелепые, подражательные и слегка графоманские, именно слегка... «Я не люблю, когда меня не любят, особенно когда я не люблю...»

А в армии меня выбрали последним на белом свете секретарем комсомольской организации. И я придумал вот что: договорился с молодыми сослуживцами, что они все вступят в комсомол. Сам вместо них написал трогательные заявления. Помню, как удивлялся абхазец Гоча Цацуа, который по-русски говорил-то плохо, своему «письму» в Штаб, где он якобы вспоминает своего деда, бывшего в двадцатых белополяков под Херсоном... Короче говоря, на дворе девяностый год, все смеются над комсомолом, многие лжекомсомольцы уже начинают рвать на куски предприятия, а у меня сразу десять человек вступают в организацию, да еще и пишут такие трогательные признания в любви комсомолу. Кончилось тем, что мне вручили почетную грамоту и медаль за такую организационную деятельность на фоне всеобщей деградации.

* * *

На лекции Аркадий Борисович Немеровский просто сказал: «Пушкин пожимал руку Дантесу, Дантес Немировичу-Данченко, потому что они играли на бильярде во Франции, а я пожимал руку Немировичу-Данченко. А теперь вот ты возьми мою руку. Чувствуешь? От тебя до Пушкина сейчас три человека». Он говорил, что историю нужно обязательно изучать по великим художникам, поэтам и писателям, потому что они врут меньше историков и гораздо меньше политиков.

* * *

«Дорогой Влад, мы сейчас занимаемся установкой памятника Высоцкому в Петербурге. Вокруг него планируем создать уголок для поэтов и бардов, который обсуждали при нашей встрече. По правилам игры нам нужно собрать разрешительные подписи от родственников, а лучше еще и поддержку от друзей. Я помню, что вы связаны с Таганкой, так, может, посодействуете? Будем благодарны».

Дорогой Влад: «Друзья! За эти годы по всей стране спешно поставлены памятники Высоцкому. Большинство из них не выдерживает критики. Это плохо, пошло, аляповато. Как

говорил Гоголь, “залибили”. Робко надеюсь, что ваша инициатива – исключение... впрочем, надо увидеть макет, посмотреть ландшафт. У нас Высоцких нынче больше Гумилевых, Блоков, Есениных... я уже молчу про великого Тютчева или Некрасова. Пока так...»

* * *

Здравствуй, сестренка – лейтенант Третьей Мировой Поэзии. Тебя ненавидят и любят. За то, что ты умеешь вырывать из пустоты свободы свои ржавые цветы, свои иголки и скрепки! Чем магнителишь их? В каком чулане под красной лампой проявляешь мокрые фотографии новой весны?

Иногда я говорю ученикам: поэзия – это когда ты как бы умер, а винил крутится и скрипит справа от твоей головы...

Читаю сейчас твою книжку, и кажется, что тебе скучно с нами, в этом общем футбольном детском саду, где гламурные утонченные рифмователи-алкоголики теперь считаются торжественными мужчинами...

Ты, съевшая все фолианты мира, в профессорских своих треснутых очках можешь плевать на всех булгаковской слюной с высокой колокольни, но нет! Ты ведь и реवेशь белугой, и возносишь молитвы, и по-женски так вкрадчиво подбадриваешь меня лично: «Братик! Держись. Мы вместе!» И бегу я по Москве захлебнувшимся в соплях, простуженным Белинским, и кричу: «Новая Цветаева явилась!» И бритым

наголо Высоцким выпеваю, полушутя «...а на левой груди профиль Летова, а на правой с гитарой СашБаш...» Это все про тебя, тебе. На тебя, сестра, большущая надежда.

Нас с тобой нагоняют немецкие овчарки, спущенные с поводков новыми варварами, наши рты пытаются заклеить скотчем служители попсы, к нам в души запускают цифры, как проституток в древнеримский город перед войной! Я предупреждаю тебя об этом во сне под пятницу, а ты такая:

– Знаешь, что у меня есть?

– Что?

– Книжка. Называется sestPA...

– Дашь почитать?

– Зачем? Я тебе и так почитаю. Книжка-то здесь не для этого. Я в ней страницы разрежала и спрятала маленькую бутылку. Махнем?

* * *

Судьба есть. И у каждого человека, и у каждого дерева, и у большой и малой страны.

И упускают судьбы, и меняют на ледяные домики, и срезают бензопилами... Сохраняют их единицы. Те, кто не бежит впереди паровоза, кто понимает, что он вторичен перед высшими силами. Понимает, но не боится поступка в самый главный момент. Проклятия возвращаются, как больные любовники, которые вышибают камнями окна. Можно испра-

вить дело, если ошибка не фатальна. Можно и нужно вернуться к разбитому корыту, вернее, это счастье – вернуться к нему и попробовать начать заново.

* * *

Слово вшито в ДНК и неотделимо от любого движения, перестройки нашего психофизического аппарата, от голоса, от воды в брюхе. В этом смысле я, например, возможно, только пилот.

И пока самолет есть, мое дело – подливать бензин, следить за датчиками масла, гладить фюзеляж. Если не дают команды на полет в одну сторону, я лечу в другую, вбок, вверх. Как пел один таинственный поэт, «Я дышу, и, значит, я люблю». То есть, по сути, я фиксирую дыхание, а потом формализую записанное. Я вторичен по сравнению с поэзией. Поэтому неуязвим. Когда Пушкин переводил Горация, он точнее всех это угадал: «Веленью божьему, о Муза, будь послушна». Но если быть до конца честным, то страх иногда накатывает. Впрочем, скорее, я его сам призываю, чтобы походить по краю над бездной.

Как на свете нам суждено прожить много жизней, так и Отец-текст разделен, разлит для нас, малышей, по разным колодцам, по золотым и железным ведрам. Скажем, поэма «Москва» 2011 года с указанием событий 2022 года и мои детские стихи «Приключения пса Кефира» – это совершенно

разные дела как будто слишком разных людей. Хотя время написания примерно одно и то же. Мой убийственный лирик ходит во внутренние гости к моему вредящему гадкому сатирику, а тот подглядывает за эпиком, рисующим на стене дома мурал «Русские маяки». Поэт работает всю жизнь над орнаментом. Орнамент – это единый организм? В некотором смысле, наверное, так. Но если ты несколько месяцев распиливаешь свод храма, а потом рисуешь для своей женщины на шкатулках птиц – это ведь разное?

Мне близок Маяковский тем, что поэма «Владимир Ильич Ленин» соседствует у него с «Крошкой сыном», с рекламой сосок, с дикими любовными криками.

* * *

– Ты там лук, что ли, режешь? – спрашивает у меня Рома Сорокин по телефону.

– Не поверишь, в слезах вешаю портрет Данте на стенку.

Я привез этот портрет из Равенны несколько лет назад, а сегодня нашел в ящике стола.

– Круто. А иных ведь никогда не дерзнешь спросить про «портреты на стенку», они всегда только лук режут или по мясу стучат молоточками.

* * *

Даша Сенина верно сказала о гениальном пианисте Борисе Березовском: «Когда Борис просто и как будто случайно касается руками клавиш, та божественная музыка, которая и так все время живет на Земле, вдруг становится нам, грешным, слышна». Что мне добавить от себя? Мне кажется, что великое стихотворение «Альбатрос» Бодлер писал, наблюдая за Борисом в быту. Еще меня вдохновляет его любовь к поэзии. Он интересно говорит про стихи, которые я ему присылаю ранними утрами: «Вдруг как будто какая-то другая жизнь захлестывает, ты чувствуешь уколы, обновляешься».

* * *

В горячих точках нужно что-то повеселее пацанам читать, чтобы отвлечь, утешить. А лучше петь веселое. Но некоторым артистам хочется немножко, как говорил Высоцкий, довоевать, и они начинают какую-то жесть выдавать. Так что иногда военные встречают нас скептически. Как сказал один офицер, «Господи, опять нас учить жизни, что ли, приехали и про войну рассказывать?» А у нас такая была команда прекрасная, и один из наших выступающих, по профессии

школьный учитель, говорит: «Ребята, зато я о вас буду рассказывать школьникам первого сентября». А еще с нами был олимпийский чемпион, ныне депутат, но скромнейший вообще человек. Он тоже слова утешения нашел, а дальше мы придумали действо. У меня был динамик в руке, чтобы читать под ритм. В полевых условиях можно и с телефона это делать – поставил ритмы и выкрикивай стишки.

По-моему, самое важное, что может сделать художник, который не знает, какой стороной винтовку держать, это развеселить.

* * *

Женская доля мужских стихов...

* * *

Перед первым шествием «Бессмертного полка» на Красной площади мне неожиданно вручили микрофон и попросили что-то произнести, чтобы люди приготoвились, как-то собрались... я вдруг ощутил и увидел как бы со стороны (брехтовскую систему очуждения почувствовал), что это именно мой голос идет от ГУМа, ударяется о Кремлевскую стену и летит обратно через Красную площадь в день 70-летия Победы... В 1980-м (мне было тогда девять) папа взял

меня на закрытие XXII летней Олимпиады, и мы с ним сфотографировали улетающего Мишку. Прошло тридцать пять лет, я позвонил отцу и говорю: «Папа!

Ты помнишь, как взял меня на закрытие Олимпиады?

Можно я тебе отвечу теперь? И пригласил отца на военный парад и Празднование семидесятой годовщины триумфа Великой Отечественной. Пригласил отца на трибуну номер семь.

* * *

Мама ушла через три года после отца. Недавно друг впроброс спросил меня: «Теперь ты понимаешь, что такое стоять перед бездной?» И я чуть не задохнулся от этого вопроса. Но не подал виду. Дома в темноте смотрел сквозь стены, сквозь потолок в небеса. И узнал, что рай не в созвездии Малой Медведицы, а вот здесь, недалеко от моей головы, недалеко от настольной лампы. И желтый свет лампы соприкасается с тихим торжественным сиянием света, который мы привыкли называть «тот».

* * *

Соловки. Дождик. Вижу, проходя маленький деревянный Храм, как прямо из-под алтаря вытекает ручей. Две девочки

на хлеб ловят рыбку. При мне одна, смеясь, выловила серебристого окунька. Он искрой вспорол туман. Радостная проекция библейского лучика.

* * *

Есть вещи, которые сам человек не должен рассказывать даже себе, есть тайны. И тоже здесь кое-какие тайны попридержу. Это первое и самое большое и главное право на такую тайную кухню. Я очень благодарен своим родителям, которые меня приучали к чтению. Самое важное и великое воспоминание о детстве, как Нагибин пишет, – это молодая мама. И у меня воспоминание детства – это молодая мама, отец энергетический, стремительный... И мир вокруг – природа, и книги, очень много книг. Прямо только одну заканчивал, сразу брал другую книжку. И так вот, благодаря этому, я задумывался о многом. И еще я был маленьким орнитологом. Всю жизнь очень люблю птиц. Владимир Владимирович Набоков писал, что предпочитает бабочек литературе. Хотя в этом была такая писательская бравада, конечно. А у меня вот с птицами настоящий роман. Люблю видеть, как они думают крыльями, а не головой. В городском детстве, пока я не заблудился первой любовью, у меня было два места, в которых я пропадал, – это футбольное поле и библиотека. Я в библиотеке жил буквально, устраивал себе приключения, ползал по полу, искал книги по запаху, выуживал их с задних рядов

нижних полок. Это тоже было настоящее таинство.

* * *

Корневая система театра поэтов похожа на схему метро. Я, конечно, – из побегов Таганки. Но мы и побег с Таганки. Рождение театра поэтов произошло из творческих опытов, когда я с 2012 года начал приглашать на Малую сцену Театра на Таганке своих товарищей: молодых поэтов, музыкантов, художников, артистов. Постепенно образовался костяк команды. Студийные опыты на театральных сценах, уличные выступления, фестивальные номера, основанные на авторских материалах, – все это закладывало фундамент театра поэтов. Но время бежит все быстрее, и на его новой машине в будущее мы едем дальше. Эта наша жизнь не может быть театром в том понимании, что есть труппа, цеха, шьют костюмы. Это скорее способность к студийности. Театр – командная студия. Творческое бюро. Бюро художественных опытов, где поэзия женится с жестом и музыкой. Открытая для экспериментов среда.

Люблю театр улиц. Для меня это сладко и горько. Я всем своим ученикам, партнерам и друзьям говорю, что улица – это проверка на жизнеспособность. Разложи коврик: если ты зарабатываешь на булку или рюмку, то отлично. А если нет – увы! Мы недавно провели мероприятие около городских памятников. Ни один из этих памятников мне не нравит-

ся с точки зрения культурно-архитектурного решения, а все остальное нравится.

А как по первой струне Владимира
Зеки шли во тьме до Владимира.
И Владимир их всех утешил,
Даже сам конвойный опешил!

С памятниками Высоцкому отдельная беда. Его, бедного, народ залюбил, как эгоистическая мать, которая на шестом десятке лет сына проверяет его брюки и вручает баночки с тушенкой... Лепят ужасные памятники. Все хотят как бы сказать: «Я и Высоцкий». Ужас какой-то! Как бы это все ночью одновременно во всех городах поносить, а? Не знаю, как власти, а Высоцкий точно будет рад. Избавить его от второй смерти – хорошее дело. Впрочем, я в стихах стараюсь это делать тоже...

* * *

Муза обязательна, как вода. Как осень и вино. Как фотосинтез, как сама жизнь. Все, в принципе, всегда делается исключительно для девочек. Но я не выношу выносить... Вот если бы письма Пушкина издали при его жизни, он бы убил издателя. Из пистолета в лоб. «Недотыка моя...» Ну зачем такое знать из писем Пушкина к жене? Или постоянные их

супружеские подсчеты денег – зачем нам нужны? Лучше читать произведения. В них человека больше, чем в этом вот неудобном соседе по самолетному креслу...

* * *

Про время лучше всего рассказывает мне море, выкидывая своими пенистыми руками удлинённые раковины, похожие на колпаки древних звездочетов:

вот они, эти застывшие спиралевидные ветра эпох, спресованные подвиги героев, окаменевшие страсти целых народов с их расцветами и падениями. Море игриво и равнодушно демонстрирует тебе модель бесконечной вселенной, обреченной на ежедневное преодоление смерти.

* * *

Раз в году я читаю прилюдно вслух главную поэтическую молитву. В ней триста слов. И это – длинный список поэтов, прошедших на очные туры Филатов-феста: имя, фамилия, место. А ребята замирают и ждут. Денис, Рашид, Владимир, Артур... Аминь... Счастливая доля художественного руководителя большущего поэтического фестиваля, главного в стране. «Мой адрес не дом и не улица – мой адрес...» Филатов-фест.

Поэзия не может быть ремеслом. Изначально любой, кто называет себя «поэтом», попадает в ловушку. Потому что «поэт» – как бы посмертное звание. Недаром Бродский, чтобы снизить пафос, называл свои произведения стишками. Получать деньги за стихи – это как брать мзду за молитву. Я знаю людей, которые упорно занимаются подобием поэзии, находят заказы, называют себя писателями, а их жены опрометчиво считают себя женами писателей... Все это чепуха на постном масле из опилок... Что, кстати, не исключает прикладного труда из цикла написать либретто для спектакля или мюзикла, сатирические куплеты или тексты в рифму к острополитической программе.

К примеру, ваш покорный слуга одним прекрасным утром придумал проект, в центре которого была поэтическая и политическая сатира. Этот проект кормил меня и всю команду несколько лет. Получилось купить хорошее жилье! Так бывает, когда сходятся разные звездочки... Однако даже солнцу солнц Пушкину нужно было иметь служебный ранг для получения официального жалования. Литератору стоит удачно жениться и проводить время на одной из дач, пока мамки и няньки на другой нянчат его отпрысков. В противном случае поэта ждут нищенство, пьянство и одиночество, если по политическим соображениям его не удостоят

быть Нобелевским лауреатом... Мой первый гонорар был выплачен журналом «Крокодил» за пародии на известных поэтов. Я представил себе, как бы написали про тараканов Пушкин, Цветаева, Блок, Маяковский и другие. Тем 70 долларам был рад, как Буратино золотым монетам. Придумав Московский театр поэтов, я обхитрил всех начальников и вручил нескольким своим соратникам, хорошим поэтам, но совершенно не приспособленным к жизни людям, трудовые книжки. Этот факт приносит мне радость.

* * *

Там, где есть много любви, обязательно попадают сорняки ненависти, злобы, пузырчатых слюней зависти. Есть один любимый мной болван. Он зачем-то даже извращает мои имя и фамилию и пишет пародии на меня, но довольно посредственные. А плохие пародии – такая досада. Я бы полюбовался хорошими злыми пародиями. И даже, пожалуй, похвалил бы его.

Но вот извращение фамилии – это уже серьезно. Это же касается рода, отца... Поэтому при встрече мне необходимо дать ему в глаз. К большому сожалению. Мне кажется, он сразу побежит в околоток писать заявление. Про таких Достоевский писал в «Карамазовых» – «слабосильные»...

* * *

Забытое слово – характерник... предвидец... Таков Григорий Саввич Сковорода. Сам себя он называл – старчик...

На могиле Сковороды начертаны великие его слова: «Мир ловил меня, но не поймал». Когда-то меня к этому камню привез один человек. Я называл его «мой сталкер». А через десять лет здесь началась война. Снаряд, поднятый на беспилотнике, влетел в окно дома моего сталкера. Он так и остался сидеть за своим письменным столом с улыбкой и продырявленной скулой.

* * *

У настоящих людей не пальцы по-другому на спусковой крючок ложатся, не ноги иначе ходят – у них в душе есть некий отсек, который они заполнили светом и за счет этого могут иногда взлетать над Землей. А это и есть Человечий почерк. Поскольку человек – это тот, кто носит голову в небе, а не тот, чья голова служит приложением для «Макдоналдса».

Хорошие правильные девушки таскают своих парней на поэтические мероприятия. Полюбить поэзию можно из-за любви к другому человеку, ради этого человека. Это как минимум. Есть и более сложные вещи. Стихи же связаны с молитвами. Они способны поддержать, даже вылечить – как лекарство, основанное на тайнах работы души. Я знаю человека, который Пастернаком за один вечер выдавил из груди бронхит. Устремление за границу своего «я», поиск приключений вне пространства помещения, где находится фантазер, – это и есть сочинительство стихов.

Свое первое стихотворение я сложил, стоя на подоконнике в московской коммуналке. Оно было про салют, в честь главного праздника той страны, в которой мы имели радость появиться и задышать, – 7 ноября. Даже помню одну строчку: «В небе цветы из огня». Понятная простая метафора. В нашем далеком детстве она была совсем безобидной. Много позже, врезываясь в стихи Гийома Аполлинера, я восхищался этим смертельным соединением разных граней красоты: «...и снаряд разорвавшийся там, у переднего края, тот красивый снаряд превратится в непрочный цветок».

Ребята наши скопом прошли рубеж в тридцать семь... Это испытание. Валя спонтанно уехал в Крым. Игоря посадили в Беларуси за мошенничество. Растит лаванду. Иван хочет вернуться в «Газпром» и перестать писать стихи. Вернуться в «Газпром» или удачно жениться. Неважно. Ровно два года назад большой начальник пообещал нам театр, в смысле помещение, цеха, но впрягаться не стал. Получается, обманул. Андриан придумал с женой конкурсы танцев и больше не пишет. Олег старше всех. Он с родины Гоголя и мечтает организовать клуб спасения человечества. Милая маниловщина. Антон мгновенно растолстел. Но его стихи все тоньше. Ангелина вообще пропала. Стесняется ровесничества... Саня болеет за свои драные «Крылья Советов», зависает с коньяком, по ночам употребляет холодный шашлык и выдает качественную поэзию (так работают алкаши на птицефабрике). Пишет четыре строчки в день, чтобы не переутомиться. Техник. Гера осенью и весной сходит с ума и заявляет, что он самый крупный гений со времен Ломоносова. Ян при всех обосрался в автобусе. Его, оказывается, выгнали из учителей за пьянство. Живет теперь один на родительской даче. Топит печь мебелью и пьет бормоту. Звонил вчера и грозился проглотить все таблетки, которые найдет. Я Влад Маленко. Грешу и верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.